

Яноша Кеменя (1607—1667) и, в еще более яркой форме, в автобиографии Миклоша Бетлена и в «Оправдании» Миклоша Тотфалуши-Киша. Проза Ракоци, соединившая в себе завоевания и прошлого, и современного ему литературного творчества, обогащается, таким образом, и сравнениями, структурой речи, близкими к фольклору, и пафосом протестантских проповедей, и аналитическими, философскими тенденциями, свойственными мемуарной литературе.

Нельзя не коснуться здесь более подробно вопроса о религиозности Ракоци. Как известно, Ракоци был верующим католиком; он был религиозен, как и все представители нашей литературы в прошлом, которые чаще всего получали церковное образование, так что религия становилась органической частью их мышления, сопровождала их повсюду в государственной и повседневной жизни. Однако религиозность большинства выдающихся деятелей освободительной борьбы венгерского народа — и Бочкаи, и Зрини, и в наибольшей степени самого Ракоци — была лишена слепого фанатизма, не мешала им мыслить аналитически, реально видеть расстановку сил в мире. Иначе как тот же Ракоци мог бы противостоять абсолютизму Габсбургов, проводивших политику закабаления Венгрии именно под эгидой католицизма!

Религиозность Ракоци, конечно, отражается и в его литературной деятельности; однако и здесь не столько набожность, сколько политическая мудрость пронизывает и определяет его душевный мир, его переживания. Например, молитва, написанная им для своих телохранителей, принадлежащих к молодым представителям знати различных вероисповеданий, опирается на католическое мироощущение, прежде всего на культ девы Марии; однако написана она скорее в стиле протестантских молитв. Такая религиозность, допускающая свободу совести, как бы поднимаясь над отдельными вероисповеданиями, даже культ Марии позволила использовать в прогрессивных политических целях: «Зову Тебя на помощь, — говорится в молитве, — возьми под свою защиту народ мой». Стремление подчинить религию интересам патриотизма пронизывает каждую строчку произведений Ракоци. Вот краткая цитата из одной его речи: «...Зажги сердца наши, чтобы с зажженным Тобой пламенем мы действовали угодно Тебе, и чтобы жестоких и чванливых немцев (если и Тебе так будет угодно) мы прогнали за границы нашего государства с могуществом Твоим ... придай счастливое течение началу дел наших, дай силу нам, окажи содействие нам, мстить, что породил коварный немец, за бедную землю нашу венгерских слуг Твоих пусть идет под знаменем Твоим, выслушай многие вздохи бедного народа Твоего, смотри, как льет слезы венгерский народ, и пусть возмездие Твое будет семикратным за все зло, содеянное германцами против мадяров»¹⁰.

Художественная манера и стиль Ракоци пронизаны эмоциональными элементами. Этот аналитический стиль, пригодный для передачи самых различных эмоциональных оттенков, является послушным и гибким инструментом, позволяющим отразить обстановку классовой борьбы XVII в. Когда мы указывали на те элементы стиля Ракоци, которые связаны с фольклорной основой языка протестантских проповедников, с традицией мемуарной литературы и т. п., — мы имели в виду именно это. Особенности художественного стиля Ракоци во многом близки и идеологии английской буржуазной революции, влияние которой в первых десятилетиях XVII в. сказалось в попытках демократизации структуры протестантской церкви, в пуританском движении; позже это влияние сказалось в деятельности и научных трудах Яноша Апацаи-Чере (1625—1659).

Весьма интересен и знаменателен тот факт, что стиль, корни которого

¹⁰ См. *Эсе Тамаш*. II. Rákóczi Ferenc imádságai (Молитвы Ференца Ракоци II). — «Реформаторская церковь», 1953, № 12, с. 8, 9.